

Известия - 1995 - 25 мая - с. 7

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Многолетняя работа Евгения Евтушенко над антологией «Строфы века» завершена. Огромный фолиант объемом в 1053 страницы вместил в себя всех или почти всех поэтов нашего многострадального столетия. Их оказалось 875, жаль, что недотянул именитый составитель до тысячи. Тысяча поэтов XX века — это звучит. Но не будем забывать, что впереди еще 5 лет, так что не все потеряно.

Впрочем, Евтушенко отлично знал, на что шел, когда включил в это уникальное издание столько имен, поэтому в рекламном дайджесте есть такое авторское признание: «Как бы несовершенна ни была эта антология, над которой я работал примерно двадцать лет плюс всю предшествующую жизнь, эта книга, надеюсь, будет не менее ошеломляющим открытием не только для юных читателей поэзии, но и для многих собаку съевших в этом деле знатоков. Наверняка я вызову недовольство многих живых авторов и моим выбором, и количеством строк, и комментариями и смертельную обиду тех, кого я не включил вообще. Предоставляю им полное право включать или не включать меня в их антологию. Объективных антологий не бывает».

Весной прошлого года мы сидели ночью у окна и под оглушительное пение соловья среди индустриальной Москвы вели разговор о будущей антологии.

— Разве может быть 800 поэтов? — изумленно спросил я у Евтушенко.

— Главное — сохранить, что есть. Потомки разберутся, кто поэт, а кто нет.

Этот ответ уже тогда поразил меня честностью позиции, а главное, давно забытой и поруганной в России эстетической веротерпимостью.

Сейчас, когда том лежит у меня на столе, я в который раз перечитываю текст Евтушенко, который хотел бы положить на стол всем российским чиновникам, от коих зависит книгопечатание, дабы поняли они наконец, какое вопиющее преступление перед поэзией совершалось все эти годы, когда издательства вообще перестали печатать живых поэтов.

«Мы проиграем двадцать первый век, если не возьмем в него с собой наши немногие неведальчивые ценности — и среди них русскую поэзию. Она нас не предаст — лишь бы мы ее не предали».

«В терновом венце революции грядет шестнадцатый год».

Это пророчество Маяковского

Воскресение Евгения Евтушенко

Евтушенко вынес в начало книги, и вдруг стало ясно, что знакомые строки великого поэта прочитаны совершенно по-новому. Венец-то терновый. Страдания несут человечеству все революции. А рядом строфа совершенно забытого поэта Вильгельма Зоренфрея:

«Я сегодня, гражданин,
плохо спал,
Душу я на керосин
обменял...».

Тут-то и стало ясно, что не столько поэты, сколько строфы века составляют душу этой удивительной книги. Миллионы людей распевают песенку «Когда качаются фонарики ночные», но кто из них знает, что слова принадлежат Глебу Горбовскому? А кто из многих тысяч «диссидентов», наизусть знающих песню «Товарищ Сталин, Вы большой ученый», осведомлен, что автор этого уже хрестоматийного текста живой и здравствующий писатель Юз Алешковский?

Пусть сегодняшние школьники и студенты прочтут две строки о Федоре Сологубе в предисловии Евгения Евтушенко, и вряд ли они смогут забыть, что Сологуб «пожалуй, единственный русский в мире поэт, который осмелился назвать Бога «милый», и это не оказалось пошлом».

Маленькие предисловия Евтушенко к каждому из поэтов века

— это какой-то новый жанр поэтического литературоведения.

О поэзии Горького. «У него были и порывы в гениальность, и соскальзывание в риторiku». А разве не так?

О Максимилиане Волошине. «Видя всю нехристианность, всю

ских времен называет Семена Кирсанова цирковым поэтом, хотя и не забывает упомянуть, что именно Семен Кирсанов дал ему рекомендацию в Союз писателей. Думаю, что заслуги Кирсанова перед русской поэзией этим не ограничиваются. Его стремительные

раздражение Евтушенко против «ельцинского нэпа» нарастает. Будучи оторван от живой литературной жизни России, он почему-то решил, что авангард в поэзии ныне-де стал новым официозом. Кто же из авангардистов заправляет в Союзе писателей? Может быть, тайные поклонники авангарда засели в Кремле? Не думаю. Вот поэты, выдвинутые на госпремию в этом году: Рейн, Кушнер, Левитанский, Кублановский. Авангард в их поэзии даже не ночевал.

Предвзятость составителя, конечно же, весьма ощутима, когда самый популярный среди молодежи, лауреат международной пушкинской премии Дмитрий Пригов получает для публикации лишь 20 строк, а никому неведомые поклонники традиционного реализма занимают по 2–3 страницы. Во вступлении к антологии Евтушенко объяснил свой принцип отбора. Вспоминая слова Герцена о писателях: «Мы не врачи — мы боль», — поэт утверждает, что «главный принцип отбора в этой антологии — по степени боли». Не думаю, что это главное в поэзии, но таков Евгений Евтушенко и такова его антология.

Эта удивительная книга открывает читателю неведомую Россию и почти неведомую нынешней России ее поэзию.

875 поэтов быть не может, но тысячи и даже десятки тысяч гениальных поэтических прозрений вполне возможны; и если в антологию Евтушенко прорвалась хотя бы сотня из них, то это уже удача.

Вместе с научным редактором Евгением Витковским Евтушенко в течение двадцати лет создавал и создавал совершенно оригинальный поэтический шедевр под названием «Строфы века». Здесь он соавтор и великих, и малых, и никому не известных поэтов, поскольку выстроил из их стихов новый хрустальный дворец поэзии XX века. Это здание уникальное, где каждому отведено место, в котором нескудно жить.

По словам Евтушенко, в России сейчас новая ситуация (слава Богу, не революционная). «Ситуация свободы слова и свободы равнодушия к нему». Не думаю, что поэт прав. Рискую предсказать, что десятилетний тираж антологии, выпущенной издательством «Полифакт» в серии «Итоги века», скорее всего, разойдется мгновенно. Россия была и останется страной поэзии.

искрометные ритмы и феерическое воображение буквально пробили туннель сквозь советский литературный официоз от футуристов к знаменитой тройке шестидесятников.

О своем загадочном антипode Андрее Вознесенском сказал очень точно: «После Маяковского в русской поэзии не было такой метафорической Ниагары». Кстати, о самом себе Евтушенко написал очень сухо и сдержанно. Привел данные развесистой родословной и закончил словами: «Я надеюсь, что хоть часть моих грехов мне простится за эту антологию». Не знаю, за что надо прощать поэта, написавшего «Наследники Сталина», «Бабий Яр» и «Братскую ГЭС», разве что за стихи об октябре 93-го года в Москве, написанные наспех в Нью-Йорке, да за литературных надсмотрщиков, которых Евтушенко привел на ключевые посты в Союз писателей после августа 91-го. А сам уехал в Нью-Йорк тосковать по двум распавшимся союзам — Союзу писателей и Союзу Советских Социалистических Республик. Кто помнит сегодня, что Фет яростно защищал крепостное право. «Шепот. Робкое дыхание» — это навеки. А политическое взгляды поэтов — их личное дело.

В последних главах антологии

жесткость русского народа по отношению к самому себе, Волошин нашел в себе христианство благословить его, а не проклясть. А вот революцию почти в равной степени принял и проклял. Доказал собой, что поэт есть не только явление личности, но и явление истории».

А разве каждый помнит, что легендарный футурист Алексей Крученых дожил до года, когда советские танки вторглись в Чехословакию. «Футуристы не подозревали, во что может превратиться восторженно призываемая ими революция».

Разумеется, Евтушенко крайне субъективен в своих оценках. Это то и прекрасно. Кому нужны тяжеловесные наукообразные тома, где «от имени и по поручению» (была когда-то такая неблагозвучная расхожая фраза) неизвестного кого вещались истины в последней инстанции. Иногда одна-единственная строка из предисловий поэта говорит больше, чем любая многостраничная биография. «Не выдержав унижений, Цветаева повесилась на той самой веревке, которую дал ей Пастернак».

Евтушенко — реалист до мозга костей, поэтому его оценки иногда, как это ни странно, совпадают со старым официозом. Например, он по инерции в духе совет-